

Как выжить, рассказывая историю

Нарративный подход к проблеме тождества личности

Текст Дмитрия Волкова

Иллюстрация Ксении Скоропадской

Одна из философских проблем — это проблема определения критериев тождества личности в разные моменты времени. Она становится очевидной в особых случаях, когда личность внезапно радикально изменяется, например, в результате заболеваний или значительных внешних воздействий на организм. Однако проблема реидентификации существует и в обыденных условиях. Личность меняется всегда, хотя и постепенно. Ничто не остается неизменным на протяжении жизни человека: ни психологические, ни физические характеристики. Можно ли тогда считать, что личность продолжает существовать и что есть основания приписывать ответственность, например, пожилому человеку, за поступки, совершенные в молодости? Эти вопросы требуют прояснения. Может быть мое убеждение в том, что я прожил 41 год, — это заблуждение, похожее на убеждение сумасшедшего в том, что он Наполеон Бонапарт? Чтобы показать, что это не так, нужны критерии асинхронного тождества личности.

В философской традиции существуют три основных решения вопроса о тождестве личности: субстанциональный, биологический и психологический подходы.

В современной аналитической философии наиболее распространена психологическая теория¹. Согласно этой теории, личность определяется преемственностью психологических характеристик, которые в свою очередь лежат в основе нумерического тождества личности. Основателем психологического подхода считается Дж. Локк. Ключевым критерием тождества личности он считал память [Локк 1985, 393]. Британский философ утверждал, что существование личности в прошлое простирается настолько, насколько события в прошлом доступны в воспоминаниях. Такое решение согласовывалось с обыденной практикой самоидентификации, то есть с принципом: «Я являюсь тем, чье прошлое помню от первого лица».

Однако уже современники философа обнаружили недостатки этого подхода, указали на логический круг в определении, а также на наличие контрпримеров.

1. Согласно опросу, который проводился в 2009 г. среди 900 англоязычных профессоров философии, 34% утверждали, что разделяют какой-либо из вариантов психологического подхода, 17% — биологический подход, 12% — субстанциональный. Остальные 37% не имели определенного мнения [Bourget, Chalmers 2014].

Важнейшую проблему психологической теории обнаружил Б. Уильямс с помощью аргумента редупликации. В статье «Тождество личности и индивидуация» (1956) Уильямс предлагает вообразить ситуацию, в которой человек по имени Чарлз, живущий в XX веке, утверждает, что он Гай Фокс, участник заговора против английского короля в XVII в. Чарлз обладает всеми воспоминаниями о жизни Фокса и ведет себя как Гай Фокс, и этот факт может быть объяснен только тем, что Чарлз действительно помнит жизнь Гая Фокса. Как отмечает Уильямс, интуиции склоняют нас к выводу, что Чарлз и Гай Фокс — одно лицо. К этому приводит нас и психологический критерий тождества. Но далее Уильямс замечает, что раз Чарлз может иметь такие воспоминания, значит и другой человек, например, его брат Роберт, может их иметь. «Если логически возможно, чтобы с Чарлзом произошли такие изменения [то есть он обрел воспоминания Гая Фокса — *Д.В.*], то логически возможно, чтобы другой человек одновременно испытал такие же изменения, т.е. например, и Чарлз, и его брат Роберт были в подобной ситуации» [Williams 1956–7, 238]. Но это следствие содержит противоречие. Если бы оба брата были Гаем Фоксом, то Гай Фокс был бы сразу в двух местах. Но с точки зрения психологического подхода это невозможно. Критерий воспоминаний в случае редупликации приводит к абсурду, а, значит, критика Уильямса подрывает убеждение, что воспоминания служат основанием для тождественности личности.

Аргумент редупликации может также быть направлен и против других психологических критериев тождества, даже современных. Он показывает принципиальные отличия между отношением тождества и психологической преемственности. Во-первых, тождественность является транзитивным отношением, а психологическая преемственность — нет. Во-вторых, психологическая преемственность может быть отношением один-ко-многим, а тождественность — только один-к-одному. В этих различиях недостаток психологического подхода.

Результатом дискуссий вокруг аргумента редупликации и его вариантов стало появление альтернативных

позиций. Одной из них является *нарративный подход*. Он в чем-то близок психологическому, но его важное отличие в постановке вопроса. Сторонники психологического подхода занимаются проблемой реидентификации (или установлением отношения нумерического тождества), а сторонники нарративного, в частности М. Шехтман, Д. Деннет, К. Эткинз, решают *вопрос характеристики личности*. Они пытаются установить, какие действия, переживания, убеждения, ценности, желания, черты характера могут быть отнесены к конкретному человеку. Задача характеристики заменяет поиск критериев реидентификации для приписывания ответственности и определения условий выживания. Это попытка установить, что есть эта личность на самом деле. Ответ — в нарративе.

Под нарративом сторонники этого подхода обычно подразумевают биографическую историю. События в этой истории распределены во времени и связаны между собой смыслом. Одни события выступают в качестве объяснений других. Главное действующее лицо нарратива — личность. Она является активным действующим началом. Действия обусловлены ценностями, желаниями, убеждениями и характером личности, которые обладают относительной стабильностью. Первичность текстового единства как критерия единства личности — *первая* важная отличительная черта нарративного подхода. *Вторая* отличительная черта заключается в роли рассказчика.

Нарратив реализуется в первую очередь в автобиографическом рассказе. Эта опора на оценку от первого лица составляет вторую особенность нарративного подхода. В этом смысле он отличается от современного психологического подхода и созвучен исходно локковской идее о приоритете автобиографической памяти. В отличие от современных сторонников психологического подхода, нарративисты считают, что одной лишь психологической преемственности недостаточно, чтобы связать состояния личности в разное время. Необходимо рефлексия личности о собственной истории, внутреннее принятие личностью собственной автобиографии. Без этой рефлексии выживание личности теряет особое значение. Что толку, если выживет лич-

ность, обладающая преемственными психологическими характеристиками, если она не будет считать историю своей жизни действительно своей.

Нарративный, как и психологический подход, является редукционистским. Обе теории сводят тождество личности во времени к каким-то более фундаментальным основаниям. Но представления о фундаментальной основе личности в психологическом и нарративном подходах отличаются. В этом *третья* важная особенность нарративных теорий. Согласно большинству психологических теорий личность представляет собой совокупность психологических характеристик и диспозиций, реализованных в конкретном временном эпизоде. Поэтому сторонники психологического подхода анализируют отношение асинхронного тождества этих совокупностей в разные эпизоды времени. Согласно нарративному подходу, личность не сводится к ее эпизодам, а образуется особым образом сконструированной цепочкой событий. *Нарративисты представляют личность целостным протяженным во времени объектом²*. Поэтому в нарративных теориях анализируют соотношение асинхронных частей личности, а не целых совокупностей психологических характеристик [Сарг 1991, 161]. Таким образом, нарративисты исследуют отношение частей личности к целому, в то время как сторонники психологического подхода преимущественно — целого к целому.

Не всякий нарратив может служить основанием асинхронной целостности личности. Характеризующий нарратив отвечает особым требованиям. Этими требованиями являются: единая динамическая перспектива, интеллигибельность, телеологическая направленность, возможность артикуляции и правдоподобность. Единая динамическая перспектива — это некоторый условный центр, как центр гравитации. Он имеет четкие временные и пространственные координаты. Он перемещается в ходе рассказа, но это перемещение обычно последовательно. Конкретное расположение точки

перспективы обуславливает избирательное отношение к обстоятельствам и выражается в описаниях под каким-то специфическим углом зрения.

«Интеллигибельностью» я называю связанность событий, которая позволяет объяснить одни с помощью других. Часто основной такой связанности являются каузальные закономерности, в частности ментальная каузальность. Ментальные состояния объясняют поступки, а характер и склонности личности — ментальные состояния. Из одних ментальных состояний проистекают другие. Таким образом, вся жизненная траектория становится интеллигибельной.

Третий скрепляющий элемент биографической истории — телеологическая направленность. История может объединяться движением личности к каким-то долгосрочным целям. Иерархия целей может увенчи-

2. Эту особенность нарративного подхода в частности подчеркивает П. Стоукз в статье «Является ли нарративное тождество четырехмерным?» [Stokes 2012].

ваться каким-то главным ориентиром в жизненном пути личности. Именно этот главный ориентир, конечный смысл, в масштабе всей жизни наделяет значением отдельные поступки и состояния. Главные ориентиры могут быть разные: выживание, личное или общее благополучие, доминирование или подчинение чьей-то воле, навязывание другим своей воли, получение максимального удовольствия или даже страдание.

Перечисленные выше характеристики позволяют изнутри скрепить нарратив в одно целое. Они являются требованиями к *внутреннему* содержанию (логике и структуре) биографической истории. Другие два условия скрепляют нарратив извне: это возможность артикуляции и правдоподобность. Само существование нарратива зависит от возможности его артикуляции агентами, в первую очередь самим протагонистом. Это предполагает способность протагониста формулировать свою жизненную историю в рассказе от первого лица с соблюдением указанных выше требований. Впрочем, дополнения истории могут и даже должны формулироваться другими личностями. Рассказы от третьего лица помогают включить в биографическую историю фрагменты, которые сам агент может не помнить, или отчет в которых он себе не отдает, а также обеспечить второе важное внешнее условия нарратива — правдоподобность. Повествующий агент может и всегда допускает какие-то ошибки. Но хотя быть частью суждений нарратива должна совпадать с суждениями других личностей. Другими словами описания событий от первого лица должны хотя бы в части совпадать с описаниями от третьего лица других участников и свидетелей событий. Иначе это будет фантастический нарратив, и по нему нельзя будет проводить атрибуцию действий и ответственности. «Каждый из нас, являясь главным героем собственной драмы, играет второстепенные роли в драмах других, и, таким образом, каждая драма служит ограничением для других» [Macintyre 2007, 213].

Большинство автобиографических историй в значительной степени соответствуют внутренним и внешним критериям нарратива и корректно отвечают на вопрос характеристики. Образцом могут служить «Другие

Берега» В. Набокова, «Исповедь» Л. Толстого, «Дорога» Джека Лондона, «Дневник одного гения» С. Дали. Но под критерии формирующих длительную личность нарративов подходят и большинство других написанных, рассказанных или потенциально артикулируемых историй. Однако для того, чтобы лучше понять работу нарративного критерия единства личности, лучше взять пограничные случаи. На них можно определить, какие события нарративный подход позволяет отнести к конкретному человеку, а какие — нет.

Первый случай реальный, он связан с судьбой человека, потерявшего память. В результате герпетического энцефалита, мозг К. Уэринга перестал формировать долгосрочные воспоминания. Уэринг фиксирует события не более чем на 30 секунд. Стоит ему закрыть глаза, или даже моргнуть, чтобы забыть все, что происходило до этого. Кроме потери способности формирования новых воспоминаний, Уэринг страдает также ретроградной амнезией — он не помнит большую часть своей жизни до болезни. Единственный человек, которого он узнает — жена Дебора, а единственный сохранившийся в памяти профессиональный навык — способность играть на фортепиано. Однако потеря памяти у Уэринга не сопровождается радикальным изменением личностных качеств: он сохраняет ценности, убеждения, симпатии, которые были свойственны его личности до заболевания. У него тот же характер, только сам он этого, конечно, не помнит.

Второй случай описывает Д. Парфит в «Причинах и личностях». Это случай с русским дворянином, жившем в конце XIX века. Молодой мужчина, убежденный социалист, вот-вот должен наследовать значительное состояние. Но он боится, что обладание богатством радикально изменит его ценности. Пытаясь предотвратить эти изменения, он подписывает дарственную на все имущество в пользу крестьян. Этот документ, еще не вступивший в силу, он передает жене, чтобы она пустила его в дело, как только наследство будет получено. Передавая дарственную, он наказывает жене не уступать ему, даже если он сам потом будет об этом просить: «Я считаю социалистические идеалы важнейшей своей частью. Если утрачу их, прошу, не считай

своего мужа больше мной, тем, кто берет с тебя это общение». Молодой социалист убежден, что даже сохранив память о своих намерениях, он может измениться, тем самым став кем-то еще. Я предлагаю представить, что молодой социалист действительно радикально изменился, и просит теперь жену отменить дарственную [Parfit 1984].

Третий случай, который нужно использовать для демонстрации нарративного подхода, я упоминал в самом начале статьи. Это гипотетический случай с «редупликацией» Гая Фокса.

Как можно интерпретировать все эти три сценария с помощью нарративного подхода?

Первый случай заключается в утрате воспоминаний человеком при сохранении прочих психологических характеристик, в частности характера. Согласно нарративному подходу это случай утраты тождества личности. Уэринг не способен артикулировать нарратив, его жизнь представляет собой несвязанные по смыслу и внутреннему направлению события. Поэтому следует считать, что Уэринг не выжил после энцефалита как личность. Уэринг-человек продолжает существовать, но Уэринг-личность — нет.

Второй случай предполагает радикальную трансформацию личности при сохранении воспоминаний. Это превращение убежденного социалиста в, скажем, ярого сторонника крепостного права, эгоистичного эксплуататора. Думаю, что с помощью нарративного подхода можно по-разному интерпретировать такое «выживание». Все зависит от деталей, которые содержатся в нарративе. Если с этой трансформации доминирующее влияние играют внешние факторы и ключевые убеждения молодого человека никаким образом не отражаются в убеждениях мужчины после получения наследства, этот случай следует интерпретировать как смерть личности при выживании человека. Однако, если трансформация части ценностей происходит с сохранением каких-то других, возможно, более фундаментальных убеждений, это может быть случаем сохранения тождества личности. К примеру, молодой социалист мог разубедиться в социалистических идеалах и приобрести уверенность, что только благодаря

крепостному праву можно сохранить стабильность общества.

Наконец, третий случай самый трудный. Как я уже говорил, он является препятствием для сторонников психологического подхода. Думаю, однако, он может быть разрешен нарративистами. Поскольку для выживания и приписывания ответственности сторонники нарративного подхода не требуют нумерического тождества, события из жизни одного человека могут характеризовать жизнь нескольких личностей. Связь часть-целое, необходимая для характеристики, не является эксклюзивным отношением. То есть часть одного целого может быть также частью другого целого. Один общий фрагмент нарратива может принадлежать нескольким историям. То есть и нарратив Чарльза, и нарратив Роберта могут включать в качестве своих элементов автобиографию Гая Фокса, если этому найдено соответствующее интеллигибельное объяснение. Конечно, это будет особенный случай, случай выживания личности и даже ее дубликации при смерти человека. У этого случая должно быть какое-то специальное объяснение, но гипотетически такой сценарий возможен, и он логически непротиворечив с позиции нарративного подхода.

Библиография

1. Bourget Chalmers 2014 — Bourget D., Chalmers D. What do philosophers believe? // *Philosophical Studies*. 2014. Vol. 170. No. 3. P. 465–500;
2. Carr 1991 — Carr D. *Time, Narrative, and History*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1991;
3. Macintyre 2007 — Macintyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2007;
4. Parfit 1984 — Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford University Press, 1984;
5. Stokes 2012 — Stokes P. Is Narrative Identity Four-Dimensionalist? // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20. Issue S1. P. 86–106;
6. Локк 1985 — Локк Дж. *Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении*. М.: Мысль, 1985.